

Тан Сю на мгновение застыл, затем развернулся и вернулся в комнату.

Цзян Цяо, этот старый должник, всё ещё сидел в комнате, даже не подумав уйти. Тан Сю, погружённый в свои мысли, войдя, увидел сидящего человека и вздрогнул.

— Ты всё ещё здесь?

— Жду тебя. — Цзян Цяо закрыл сценарий на столе и улыбнулся. — Сегодняшние замечания ты запомнил, молодёжь оказалась более старательной, чем я ожидал.

Тан Сю криво усмехнулся, невольно оглянувшись на висящий на стене Стяг сбора душ.

Цзян Цяо был словно приманка для Стяга, способный в любой момент вызвать у этого старого друга беспокойство. Тан Сю боялся оставлять его наедине со Стягом, чтобы не напугать человека.

— На что смотришь? — Цзян Цяо обернулся и увидел Стяг. — Боже мой, у тебя что, психологические проблемы? Даже на съёмки ты тащишь эту штуку и вешаешь на стену?

Он нахмурился, внимательно рассмотрев Стяг, и пришёл к тому же выводу, что и в прошлый раз.

— Действительно уродливо, да и пошито грубо, края обтрепались.

— ...

— Разве ты не видишь кошмары, повесив такое на стену?

— ... Нет.

— Ну, значит, это отгоняет злых духов.

Тан Сю не выдержал и подошёл, чтобы закрыть рукой рот Цзян Цяо.

— Перестань, ты просто ищешь неприятностей.

Стяг сбора душ — это инструмент практикующего, хоть и не кровожадный, но такие древние артефакты сами по себе воплощают великий путь. Неосторожно провоцируя его, никто не может предсказать, что произойдёт.

Цзян Цяо послушно замолчал, но не из-за осознания мощи артефакта. Он застыл, как статуя, когда маленькая рука коснулась его губ.

Это был тот же прикосновение, тёплое и мягкое, с идеальной влажностью. Но на этот раз всё было иначе — это были губы, создавая иллюзию поцелуя, и рука закрыла нос, позволяя ему почувствовать приятный аромат.

Цзян Цяо незаметно вдохнул ещё раз. Нельзя сказать, что это был конкретный запах, скорее, это было дыхание Тан Сю.

Тан Сю вдруг понял, что делает Цзян Цяо, и тут же отдернул руку.

— Ты...

Он замолчал.

Цзян Цяо улыбнулся, откинувшись на спинку стула, и слегка покачался, словно сдерживая желание покрутиться.

— Попался. Обычно ты так серьёзен и вежлив, называешь меня режиссёром и говоришь «вы». А в критический момент как хотел меня назвать? Парень?

Тан Сю промолчал.

— Эх, ты первый, кто осмелился закрыть мне рот.

— ...

— Ладно, завтра, наверное, снова будем переснимать весь день.

Выслушав несколько колкостей, Тан Сю наконец не выдержал.

— Если у вас нет дел, уходите. Уже глубокая ночь, а мне вставать в шесть утра.

Цзян Цяо рассмеялся, явно в хорошем настроении.

— Хорошо, отдыхай, завтра в шесть утра продолжим тренировки.

Он встал и направился к двери, но Тан Сю внезапно остановил его. На обычно спокойном и отстранённом лице появилось редкое выражение замешательства и досады.

— Режиссёр, сколько человек вы уже тренировали?

Цзян Цяо на мгновение задумался, прежде чем понять, о чём спрашивает Тан Сю. Его настроение сразу поднялось.

— Только тебя. Другие актёры... — он мягко уточнил, — дураков везде хватает, а гении редки. Я не так строг к другим, спроси Чжан Кайсина.

Хотя лицо Цзян Цяо было толстокожим, но, встретившись с тёмными глазами Тан Сю, он вдруг почувствовал робость. Он хотел сказать, что это твоя первая настоящая роль и наш первый совместный проект, и я не хочу, чтобы кто-то нашёл хоть малейший изъян. Я хочу дать тебе самый высокий старт.

Но эти слова остались в его голове, он стоял и повторял их про себя, не шевеля губами.

К сожалению, перед ним был не наивный молодой человек, только что вступивший в общество, а человек, которому по старшинству он должен был бы поклониться трижды.

Тан Сю почувствовал, что, возможно, уловил часть того, что Цзян Цяо не сказал, но не был уверен. Мысль висела в его голове, неуловимая и странная.

Его мысли внезапно раздвоились, и он подумал, что будет, если он действительно свяжет свою судьбу с Цзян Цяо.

Он точно не хотел бы остаться один после того, как обретёт любимого человека. Уснуть навеки... Согласится ли Цзян Цяо?

Если бы Цзян Цяо тоже был практикующим.

Они стояли лицом к лицу, каждый со своими мыслями, не говоря ни слова, как вдруг в комнате раздался резкий звук, словно в историческом фильме стрела вонзилась в дверную раму. Цзян Цяо вздрогнул всем телом.

— Что это?

Тан Сю запаниковал. Он схватил Цзян Цяо и начал выталкивать его, одной рукой толкая его, а другой пытаясь открыть дверь. В суматохе и дисбалансе дверь не успела полностью открыться, как он уже толкнул Цзян Цяо, и тот ударился лбом о дверь. Дверь отскочила назад, и Тан Сю, не успев остановить руку, по инерции снова потянул её, и Цзян Цяо получил второй удар.

...

Говорят, что при ударе по голове человек становится очень раздражительным, это физиологический инстинкт. Но Цзян Цяо не стал. Он застыл, ошеломлённый, и долго не мог прийти в себя.

— Цзян Цяо! — Тан Сю испугался, даже забыв формальности. — Ты в порядке?

Цзян Цяо смотрел на него несколько секунд.

— В порядке...

— Почему ты меня толкнул??

Тан Сю задохнулся.

— Что это был за звук? Что у тебя в комнате? — Цзян Цяо нахмурился, потирая лоб и отталкивая Тан Сю, нервные сигналы снова начали работать, и он начал злиться.

— Я же говорил, что в съёмочной группе нельзя держать животных, ты что, тайком принёс какую-то кошку или собаку... — Цзян Цяо не закончил фразу, как вдруг застыл на месте.

Его глаза пристально смотрели на стену у кровати, на тот самый уродливый флаг, который он так часто ругал.

В голове Тан Сю звенело, и единственное, что он мог сделать, это плотно закрыть дверь.

— Скажи... — лицо Цзян Цяо стало серьёзным, он медленно повернулся к Тан Сю и указал на стену. — У этой штуки изменились цвета?

Стяг сбора душ имел три цвета: чёрный, белый и красный. В случае серьёзных событий два цвета исчезали. Добрые души оставляли только белый, злые — чёрный. Стяг менял цвет только тогда, когда новая душа должна была войти в него.

Тан Сю тоже испугался. Если Цзян Цяо говорил правду, то это было слишком странно, настолько, что он сразу подумал, что предыдущие предположения можно отбросить, и несобранная душа, вероятно, не имела отношения к Цзян Цяо.

Но когда он осмелился взглянуть на стену, его кожа покрылась мурашками.

Стяг стал полностью красным.

На месте, где раньше была пустая дуга, соответствующая восемьдесят первой несобранной душе, появился слабый след, как будто светящийся, мерцающий, но нечёткий, без определённой формы.

За десять тысяч лет такого никогда не случалось.

Чёрный собирал зло, белый — добро, а красный всегда был лишь акцентом. Когда Тан Сю только начинал практиковаться, он спросил старшего, что означает красный цвет. Старший сказал, что не знает, никогда не видел, чтобы Стяг терял цвета, оставляя только красный, и обещал рассказать, когда узнает.

Но потом старший устал жить и выбрал вечный сон, не дождавшись восемьдесят первой несобранной души.

Постепенно Тан Сю перестал заикливаться на этом, потому что, возможно, сам вопрос был бессмысленным.

Цзян Цяо с трудом сглотнул, чувствуя, как мурашки бегут по его коже, грудь холодеет, а сердце бьётся всё сильнее.

— Не говори мне, что эта... — Цзян Цяо сдержал слово «уродливая», — что этот флаг просто украшение.

Он заставил себя снова взглянуть на флаг, и маленький светящийся символ на красном фоне постепенно исчез, флаг снова начал возвращаться к прежнему виду.

Цзян Цяо был на грани срыва.

— Что это такое? Это ещё материализм?

Тан Сю промолчал пару секунд, затем спокойно повернулся и запер дверь.

Щёлк.

Цзян Цяо отступил на шаг.

— Что ты собираешься делать?

<http://bllate.org/book/16171/1449846>